

1893 год

Зря ямщика не послушал, ох зря..
Алекс ступил еще раз, и тотчас нога выше колена провалилась в рыхлый февральский снег. Попробовал подтянуть вторую — да та увязла столь крепко, что, не устояв, он тяжело, почти плашмя, свалился в сугроб.

Снежный буран бушевал с такой силой, что и минуты не прошло, как его накрыло вторым таким же сугробом.

«Подниматься нужно, — билась в голове единственная мысль. — Подниматься живо да идти. Из последних сил».

Алекс и впрямь призвал все свои силы. Опираясь на здоровую руку, от натуги комкая в ладони снег, он чуть привстал. Принялся ступнями искать опору — да не выходило ничего. Ступней от холода он давно уже не чувствовал. Еще пока ехал в санях — и то не чувствовал. Ботинки ему порядочно жали.

Ботинки у Алекса были новые, модные, английские, из телячьей кожи тончайшей выделки. Отличные ботинки. Правда, форменным идиотизмом было

надевать их для путешествия по лесу на Среднем Урале. Вот смеху-то будет, когда его найдут, окочневшего — и в этих дурацких ботинках. В них и похоронят, наверное.

Ботинки Милли подарила. Нынешним Рождеством. С размером только не угадала, глупышка.

— Милли, Милли, Милли... — шептал Алекс, чувствуя губами снег, но совсем уже не чувствуя его холода. — Душа моя, любовь моя. Погибель моя.

Глаза не видели ничего, кроме проклятого белого снега. И — Алекс сдался. Закрыв их. Зажмурил. Напоследок поспешил вызвать в памяти любимое лицо и мягкие медно-рыжие кудри. Звонкий смех-колокольчик. Сладкий, тягучий аромат ее духов.

Алекс потянул носом, потому что и впрямь как будто почувствовал их...

А потом — что-то коснулось его лица.

Не снег.

Не вполне отдавая себе отчет, Алекс вновь поднял отяжелевшие веки и первым делом увидел перепачканный в грязи подол женской юбки.

«И где она грязь умудрилась найти?» — вяло думал он, как замороженный глядя на летящую по снегу нежно-розовую юбку в убористый мелкий цветочек.

Женщина (а судя по тонкому стану — девица, скорее) не заметила его, припорошенного снегом. Легко, будто по мощеной дороге, она прошла мимо. Невесомо взобралась на пригорок шагах в десяти от Алекса. Обернулась к нему.

«Босая... — только сейчас сообразил Алекс. — Босая — да по снегу. И платье на ней домашнее, хоть грязное, изорванное. Съехавшее с одного плеча

и обнажившее ослепительно-белую (точь-в-точь как снег) кожу. И волосы белые, как тот снег, — распущены и летят по ветру. Только губы яркие. Словно кровь».

Так он и смотрел на нее — час, минуту или один миг, Алекс не знал. Покуда не моргнул от попавшей в глаз снежинки.

А как моргнул — исчезло все. Пригорок был пуст, и даже снег на нем не примят. Только на самой верхушке, рядом с тонкой сосенкой в сугробе, вдруг блеснуло что-то. Так ярко, что глаза заболели.

Алекс прищурился. И впрямь что-то там было. Нужно достать...

Завывал ветер, колыша верхушки сосен; швырял в лицо пригоршни снега, а сердце Алекса так громко теперь билось в груди, что, казалось, за версту слышно. Еще с минуту пытался он подняться, да без толку. Окоченевшие ноги не слушались, подкашивались, как ватные.

— Нужно идти... нужно... — сам себе твердил Алекс как заведенный. — Не выходит идти, так ползти. Нужно!

Ползти с одной-единственной здоровой рукой тоже была задача непростая. Вторая рука, правая, рабочая, бесполезной паклей волочилась по снегу. Та рука, которой он швырнул перчатку в лицо Мишелю. Та рука, которой сжимал рукоять револьвера... Ох, избавиться бы от нее вовсе!

Не иначе как ярость придала сил и разогнала кровь по телу: Алекс наконец-то приловчился двигаться, и даже онемевшими ступнями удавалось упираться в снег. Вместо искореженной правой кисти опирался на локоть. И все же сделать последний

рывок — подняться вверх, на пригорок — было задачей непосильной.

Алекс все ждал нового прилива сил, новой вспышки злости — хоть чего-то, что даст причину пошевелиться снова! Ждал. Понимал, что с каждым мигом у него все меньше шансов выбраться живым, — и ждал.

Да стекленеющим взглядом все смотрел на мерцающий впереди отсвет. Как дивно он переливается красным, зеленым и синим. Еще лишь одно небольшое усилие, чтоб достать. Так близко... Так невообразимо далеко.

Глава 1

КОШКИН

Дороги в уездном городе Екатеринбурге и так мели не слишком-то часто, а уж в буран этим не занимался никто.

Степан Егорович Кошкин, помедлив, спрыгнул из саней прямо в здоровенный сугроб (вся улица была сугробом, чего уж там) и, рукой защищаясь от снега, огляделся. Стемнело, так что вывеска на аккуратном новеньком доме ярко была подсвечена фонарями: «Клиника доктора медицины Алифанова В.А.».

Впрочем, главный вход наверняка был уже закрыт, так что Кошкин, поискав глазами, нашел служебный.

Бежит...

Да, прямо от тех дверей по занесенной снегом дорожке к нему бежала Ирина, накинув на плечи только пуховую шаль. Кошкин, конечно, поспешил навстречу.

— Право, Ирина Владимировна, ну что ж вы... я б и сам дорогу нашел. Простудитесь ведь.

— Да мне не холодно, Степан Егорович, — с наигранной отвагой рассмеялась девушка. — Сама про-

стужусь — сама вылечусь. Пойдемте скорее, у нас жарко натоплено.

Кошкин спорить не стал.

— Его Виктор нынче под вечер нашел, — рассказывала Ирочка минуту спустя в отцовском кабинете. Заперев двери, скинув шаль и оставшись в ладно скроенном по фигуре суконном платье, она проворно подбросила полено в печь-голландку и поставила греться большой медный чайник, не прекращая при этом разговора. — С утра кто ж знал, что буран такой начнется? Вот и отправился Витя на охоту в сторону Шарташей. А возвращаться стал — глядь, темнеет на пригорке что-то! Подошел, а там человек в снегу лежит. Ужас-то... Он его на кобылку скорее и к нам. Ну а я уж за вами, понятное дело, послала.. Вы садитесь. Чай сию минуту вскипит. У меня пирог еще вкусный есть, с вареньем!

— Благодарю, Ирина Владимировна, я успел поужинать.. — солгал Кошкин. — Так что насчет трупа?

— Какого трупа?

— Который ваш брат в лесу нашел, — терпеливо объяснил Кошкин. — Прозектор через час обещался приехать, а я покамест протокол бы составил..

— Да бог с вами, — быстро перекрестилась Ирина, — рано еще прозектора — живой он. Владимир Андреич осмотрел уже: легкое переохлаждение, и только. С рукой, правда, что-то — может, обморозил, неясно пока. Вы садитесь, пирог покушайте. Я вам гарантирую, что он пока не умрет!

Кошкин устало потер переносицу и опустился на предложенный стул. Как мог деликатнее сказал:

— Ирина Владимировна, так ежели он живой, то зачем вы полицию позвали?

В глазах у Ирины отразилась паника, как у неумелого шулера, пойманного за руку.

— Так... ну вы, Степан Егорыч, сами подумайте: в буран, в лесу, в сумерках — кто ж по доброй воле на снегу лежать станет? И одет он не как охотник, — предупредила она догадку Кошкина, — и сорочка, и штаны — все вручную сшито. Пальто французское, ботинки английские. Сразу видно, из купцов! А у нас-то в городе сами знаете, какие страсти творятся! Точно вам говорю, лихие люди его нарочно в лес привезли да выкуп требовали! А главное...

Ирина вдруг нырнула рукой в карман суконного платья и на ладони протянула Кошкину золотое украшение необыкновенно тонкой работы. Женский гребень для волос с выложенным разноцветными камнями павлином. Нет, не павлином — жар-птицей. Тело и роскошные огромные крылья были синими, хвост рубиново-красным, а миниатюрная головка венчалась хохолком с тремя крупными зелеными камнями.

— В руке у него этот павлин был зажат, — сообщила Ирина. — Насилу Владимир Андреич вынул — так крепко держал, хоть и без сознания.

— Это жар-птица, а не павлин, — машинально поправил Кошкин.

Откуда-то он точно знал, что это жар-птица. Видел он, что ли, этот гребень раньше? Только где?

Из рук Ирины он принял заколку, да так и не опустил ее в приготовленный бумажный конверт — все рассматривал и пытался вспомнить.

— Этот господин...

— Риттер, — подсказала Ирина. — Риттер Александр Николаевич, он так назвался.

Кошкин кивнул:

— К нему можно?

— Да, конечно, я провожу!

Кошкин вымученно улыбнулся, не найдя причины отказать.

«Славная она девушка», — думал Кошкин, вслед за Ириной следуя по коридорам, чтобы попасть в больничное крыло.

И образованна, и неглупа, и красива в меру. Выдумщица, правда. Владимир Андреевич, которого она только по имени-отчеству величала, приходится ей батюшкой. Доктор Алифанов, Владимир Андреевич, профессор и знаменитый на всю округу окулист. В Вятской губернии, говорят, родился, в заводском поселке. Однако ж выучился в Казанском университете, был приглашен в их уезд в новую больницу при заводе, да здесь и осел. Крайне удачно женился на дочери главврача, позже и сам госпиталь возглавлял, перемежая практику с чтением лекций и написанием научных работ в том же Казанском университете. А года полтора назад выкупил новенький особняк на Вознесенском проспекте возле церкви и открыл здесь частную клинику, пользующуюся немалой популярностью у горожан. Даже теперь, в столь поздний час, в коридоре толпились какие-то пациенты.

Профессор сам свел знакомство с Кошкиным по причине довольно деликатной: для исследований глазного аппарата доктору регулярно требовались свежие трупы. В таком деле без знакомства с местным полицейским надзирателем, разумеется, не обойтись.

Ирина между тем вела его в больничную палату, обычно пустую в силу специализации клиники — но не сегодня.

Первым Кошкин увидел Виктора Алифанова, взрослого сына профессора и тоже доктора. И Виктор, сын, и Ирина, дочка, — оба пошли по стопам отца, в медицину. Ирина окончила женские курсы в губернском городе, успела выйти замуж и расстаться с мужем, после чего снова вернулась в отчий дом. Виктор тем временем отучился в университете, некоторое время был земским врачом, а ныне замещал отца в клинике.

Характером младший Алифанов едва ли пошел в именитого батюшку: Виктор был балагуром, каких поискать, громким, ярким и совсем не склонным днем и ночью корпеть над научными трудами или возиться в прозекторской, как родитель.

Вот и сейчас он беседовал со спасенным им пациентом легко, весело, будто те, ни много ни мало, старинные приятели. Его даже не смущало, что пациент отвечает невпопад и почти его не слушает.

Риттеру на вид было около тридцати. Может, и меньше, но изможденное лицо с залегшими под глазами тенями, с грубо вырезанными носогубными складками, с тяжелыми хмурыми бровями делали его старше. А в темно-русой шевелюре да суточной щетине на щеках нет-нет да серебрилась седина. Тяжко ему пришлось.

Риттер был уже не в постели, оделся полностью, разве что сюртук не успел натянуть. На вошедшего Кошкина он обернулся первым, и, глядя на то, как он с достоинством поднялся, потянулся за сюртуком, спеша его надеть, Кошкин подумал, что тот, пожа-

луй, не из купцов, а благородных кровей. И выправка была военной.

— О, и полиция пожаловала! — легкомысленно сообщил Виктор, после чего представил его Риттеру: — Господин полицейский надзиратель Кошкин Степан Егорович, прошу любить и жаловать.

Кошкин коротко кивнул в ответ на кивок Риттера и отметил, как тот протянул было ему руку для приветствия — слишком бледную, с нелепо скрюченными узловатыми пальцами. Протянул — и сразу отдернул, неловко убрал за спину. Но все же собрался и с достоинством поздоровался:

— Риттер Александр Николаевич, штабс-капитан гвардии. В отставке... Весьма рад.

— Ну-с, оставляю вас, господа. — Виктор, хоть и не свойственна ему была деликатность, счел за лучшее откланяться. — Доброго вечера!

Когда тот вышел, закрыв за собою дверь, в палате стало необычайно тихо. Неловкости, впрочем, не чувствовалось, да и некогда было Кошкину ходить вокруг да около.

— Что у вас с рукой? — спросил он, пройдясь и устроив папку с бумагами на подоконнике.

Тот странно дернулся, носогубные складки и морщины на лбу стали как будто еще глубже, но ответил тоже без обиняков:

— К делу это не относится.

По грубым шрамам на правой кисти Кошкин сообразил, что ранение скорее всего было пулевым. Не самым старым, потому как шрамы еще были ярко-красными, а господин Риттер свое увечье до сих пор воспринимал болезненно. Так что к делу его рука

и правда едва ли относится. Настаивать Кошкин не стал, а задал новый вопрос:

— Как вы оказались один в лесу, одетый совершенно не по погоде?

— Глупая совершенно история.. — Риттер устало провел ладонью по лицу и все-таки позволил себе снова сесть на больничную койку. — Давеча пришлось ехать в губернский город по делам вступления в наследство. Дела те обернулись неудачно: стряпчему требовались документы, оставшиеся здесь, вот я и торопился. Не стал дожидаться вечернего поезда из Перми. А ямщик везти отказался, мол, буран наедвигается — ни в какую ехать не хотел. Пришлось мне взять лошадь, сани да ехать самому по Сибирскому тракту... Кто ж знал, что буран и впрямь начнется? Дорогу замело, лошадь шла-шла да и выбилась из сил совсем. Я всего-то хотел чуть вперед пройти, дорогу отыскать — но и лошадь свою потерял в итоге..

Пока тот говорил, Кошкин глядел на него недоверчиво. Столь суровое вдумчивое лицо мало сходилось у него с таким безалаберным поступком. К вечеру, через незнакомый лес, с черт знает где взятой лошадью в путь мог отправиться или глупец, или самоубийца.

— Вы недавно в городе? — угадал Кошкин.

— Да, прежде мой полк был расквартирован в Петербурге...

— Вы только что из Петербурга? — Кошкин удивился так, что безотчетно подался вперед. — Давно?

— Две недели как.

— И... как там? Есть ли новости? Быть может, вы виделись с...